

В. В. ТИХОНОВ

«КЛЮЧЕВСКИАДА» М. В. НЕЧКИНОЙ

Статья посвящена анализу эволюции образа В.О. Ключевского в историографическом наследии М.В. Нечкиной. Особое внимание уделено ее неопубликованным или малоизвестным трудам 1920-х гг. Показано, что ранние работы стали своеобразным полигоном теоретико-методологических поисков М.В. Нечкиной; в них представлен синтез психоанализа и экстерналистского классового подхода к развитию науки. Ранние работы тесно связаны концептуально с итоговой монографией «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества» (1974).

Ключевые слова: В.О. Ключевский, М.В. Нечкина, история исторической науки, психоанализ, марксизм

Биография В.О. Ключевского – одна из магистральных тем научного творчества М.В. Нечкиной. Этим вопросом она занималась на протяжении всей жизни. В имеющейся литературе, посвященной наследию Нечкиной, совершенно закономерно основное внимание уделяется итоговой фундаментальной монографии «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества» (1974). Труды Нечкиной 1920-х гг., посвященной этой же теме, долгое время оставались в тени. Повышенный интерес к ним со стороны исследователей наметился только в последнее время [«История в человеке»: 65-87]. Заметный шаг вперед был сделан в кандидатской диссертации Е.Ю. Черной, которая постаралась показать эволюцию взглядов Нечкиной на научное наследие Ключевского и выделила два периода: ранний (конец 1910-х – конец 1920-х гг.) и поздний (1950–1980-е гг.). И все же многие проблемы ранней «ключевскиады» Нечкиной остались нерешенными [Черная 2014: 153].

Фигура Ключевского, ставшего еще при жизни классиком и легендой, всегда вызывала колоссальный интерес¹. Показательно, что изучение жизни и творчества выдающегося историка началось еще до того, как он умер. После его смерти появился сборник «В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» (1912). В этом издании в воспоминаниях и очерках учеников и коллег Ключевский предстал великим ученым и эталоном в профессии. Уже в этом сборнике можно обнаружить два основных подхода к оценке Ключевского как историка. Одни подчеркивали новаторский характер его теоретико-методологической платформы и, как следствие, конкретно-исторических исследований². Дру-

¹ Библиографию публикаций о В.О. Ключевском, впрочем, неполную, см.: Богомазова, Гришина. 2011: 38-44.

² Наиболее последовательно этой точки зрения придерживался Б.И. Сыромятников: [Сыромятников 1912: 69-93].

гие, наоборот, делали акцент на преемственности в творчестве Ключевского по отношению к его учителям и «государственной школе».

Нечкина начала рассматривать научное творчество известного историка как объект исследования в ходе работы над конкурсным сочинением по экономическому материализму (это была ее первая монография [Нечкина 1922]). При этом знакомство с трудами Ключевского и работами о нем состоялось много ранее [Черная 2014: 154; «И мучилась...»: 139]. Первоначально Нечкина планировала ограничиться изучением Ключевского как социолога. В этом проявилось и личное увлечение социологией как наукой, и веяние времени, требующее научного поиска, нацеленного на широкие обобщения.

Работа шла интенсивно. Как утверждала спустя полвека Нечкина, рукопись монографии была подготовлена в 1921–1922 гг., еще до приезда в Москву и начала работы в семинарах М.Н. Покровского [Нечкина 1974: 39]. На самом деле она не была завершена в 1922 г., что позволяют утверждать дневники Нечкиной: согласно записям, к интенсивной работе над научным наследием Ключевского она приступила только весной 1922 г. Известно, что Нечкина консультировалась по этому вопросу с учеником Ключевского – М.М. Богословским. Первоначально она планировала акцентировать внимание на Ключевском как социологе, что казалось актуальным и соответствовало интересам Нечкиной. Но Богословский настоятельно рекомендовал исследовать все научное наследие Ключевского как единый комплекс [Богословский 1987: 142]. Очевидно, Нечкина вняла совету, и в дальнейшем тема «В.О. Ключевский как социолог» стала лишь частью общего плана исследования.

По мнению Е.Ю. Черной, опиравшейся на дневниковые записи Нечкиной, работа над монографией, получившей итоговое название «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли», была завершена в ночь на 16 мая 1923 г. [Черная 2014: 156; «И мучилась...»: 262], но это утверждение следует уточнить. Очевидно, что была завершена работа над черновой версией. В дальнейших дневниковых записях неоднократно упоминается о том, что «для Ключевского» просматривались новые материалы. Более того, в докладе на историографическом семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры 18 мая 1925 г. Нечкина указала: «эта работа была мною начата два года назад» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 47], т.е. получается, что в 1923 г. работа над темой была только начата. Но в публикации в обобщающем сборнике семинара Покровского можно прочитать, что «работа была окончена в 1923 г.» [Нечкина 1930: 217 ссылка]. Все эти хронологические нестыковки требуют объяснения.

Очевидно, что черновой вариант монографии был готов в мае 1923 г., но это не значит, что он не дорабатывался и, возможно, серьезно перерабатывался. Почему же Нечкина указывает в докладе в ИКП,

что ее работа началась за два года до доклада, хотя она началась значительно раньше? Вероятно, это не только ошибки памяти. Дело в том, что именно два года назад Нечкина переехала в Москву и оказалась в довольно тесном контакте с М.Н. Покровским. Возможно, она хотела показать, что выполненное исследование – плод работы, сделанной под влиянием новой среды и непосредственно Покровского. Впрочем, уже в публикации 1930 г. четко будет указано: работа выполнена в 1923 г. Спустя 50 лет Нечкина будет подчеркивать, что ее первая монография о Ключевском была написана до начала сотрудничества с Покровским. Думается, это утверждение тоже не случайно. Теперь уже маститый историк в новых условиях максимально старалась дистанцироваться от спорной фигуры советской исторической науки³.

До нас дошел еще один, крайне важный документ, освещающий работу Нечкиной над научной биографией Ключевского – ее отчет для НИИ истории ФОН МГУ. Как уже заметил И.Л. Беленький: «Содержание “Отчета...” шире его наименования. По существу, он подводит итог всего казанского периода научного творчества М.В. Нечкиной, фиксируя, в частности, то понимание историографических и философско-методологических проблем исторической науки, которое сложилось у нее к моменту, предшествующему решительному повороту ее научной судьбы – переезду в Москву» [«История в человеке»: 65].

Наиболее интересна в «Отчете...» теоретико-методологическая рефлексия Нечкиной, ставшая продолжением ее поисков в монографии об экономическом материализме. Ключевой проблемой все еще оставался вопрос определения предметной области историографических исследований. Нечкина выступала против взгляда на историографическое исследование как на «регистрацию» научных трудов и их содержания. Она рассматривала историографию как «область психологии научного творчества» и предлагала сделать особый акцент на личности историка: «Наиболее распространен взгляд на историографию как на "отдел регистрации и учета" нового в историческом знании. Это отношение кажется мне неправильным: в нем не учитывается главное "действующее лицо" историографии – историк как творческая личность» [там же: 75]. При этом она не призывала отказаться от «регистрации и учета», но отводила этому «скромное место второго этапа историографической разработки», играющего «подсобную роль». Основой нового подхода должен был стать социологический анализ. Указанные идеи вполне вписывались в формирующиеся в особый раздел исследований социологию знания и социологию науки.

Нечкиной была разработана «теория индивидуальной среды». К сожалению, содержание данной методологической новации не рас-

³ При этом М.В. Нечкина много сделала для реабилитации Покровского в 1960-е гг.

крывается. Изучение дневниковых записей также не дает прямого ответа. Бросается в глаза, что во время работы над монографией о Ключевском Нечкина интенсивно читала литературу по психологии и психоанализу (в основном З. Фрейда). Впрочем, искать конкретный источник, из которого она могла заимствовать теорию, вряд ли имеет смысл. Нечкина, амбициозный и самостоятельный ученый, старалась выработать собственную теорию. Можно в целом согласиться с И.Л. Беленьким, что содержанием «этой формулы, по всей видимости, являлась идея интеграции проблемы взаимоотношения личности и общества / личности и среды в трактовке, опирающейся на постулаты теории марксизма, с теми представлениями о психологии личности и психологии творчества, которые сложились у нее в 1919–1923 гг. в контексте рано пробудившегося влечения к изучению психологии (общей и экспериментальной), психиатрии и психоанализа» [Там же: 67].

С февраля 1924 г. Нечкина начинает заниматься в семинарах Института красной профессуры [«И мучилась...»: 280]. Хотя, икаписты относились к ней настороженно [Сидоров 2005: 383–384]. К тому времени ею уже было опубликовано несколько статей, напрямую или косвенно касающихся Ключевского [Нечкина 1923]. 18 мая 1925 г. она представила доклад «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли». В ее личном фонде в Архиве РАН хранится рукопись с идентичным названием. В деле лежат рукописный и машинописный тексты. Объем рукописного текста относительно небольшой, а машинописного – примерно 7 п.л. Во всей имеющейся историографической литературе она фигурирует как доклад. В то же время трудно представить, что за один день можно изложить такой объем информации в качестве доклада. С высокой долей вероятности перед нами текст небольшой монографии. На эту же мысль наводит и фраза: «В основном, доклад воспроизводит центральные главы большой работы, но и дополняет ее: рукопись была закончена в прошлом году и за последнее время сведения мои о Ключевском кое-чем были дополнены. Эти дополнения входят в доклад, но еще не вставлены в указанную работу, которая для справок прилагается к докладу» [Ф. 1820. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 47–47 об.]. Можно предположить, что имеющаяся рукопись и есть «большая работа», служащая приложением к докладу. Трудно сказать, насколько он совпадает с рукописью 1923 г. Указывалось, что в течение последнего года Нечкина серьезно работала над текстом.

Композиционно работа выстроена следующим образом [там же: Л. 46]:

Предисловие

1. Введение
2. Составные части исторической схемы Ключевского
3. Общий ход русской истории в представлении Ключевского
4. Взгляд Ключевского на связь экономических, социальных и политических явлений и противоречия этого взгляда

5. Политическое мирозерцание Ключевского
 6. Приложение: басня Фонвизина «Лисица-Кознодей», приложенная студентами к речи Ключевского памяти Александра III.
- Список главнейшей литературы о Ключевском, использованной в докладе.

Автор здесь идет от содержания трудов Ключевского, а не от его личности, чего можно было ожидать, памятуя о теории «индивидуальной среды». Во Введении привлекают внимание рассуждения о социальной сущности идей Ключевского. Вполне в духе времени Нечкина связывает историческую концепцию С.М. Соловьева с «идеологией промышленной буржуазии», а его ученика В.О. Ключевского квалифицирует как «первого русского историка интеллигента», точнее – как «академического интеллигента» [Л. 48]. Задачей «академического интеллигента» являлось осознанное или неосознанное отстаивание с помощью теории правового государства интересов той же самой промышленной буржуазии и отчасти собственных корпоративных. Далее следовал экскурс в историю теории правового государства, которая связывалась с капиталистической эпохой и «кабинетным метаюридическим мышлением». «Эта теория – порождение буржуазной академической интеллигенции, оторванной от жизни и желавшей усыпить свое встревоженное зрелищем классово-войны изображение сложными теориями примирения этой борьбы», – писала Нечкина [Л. 48 об.]. В методологии Ключевского ею обнаруживаются «мелкобуржуазные элементы».

Более того, Ключевский, по мысли Нечкиной, даже не смог предложить оригинальной версии исторического пути России к правовому государству: «Элементы этой схемы Ключевского не были новы. Верный ученик С. Соловьева, он взял от учителя его теорию борьбы леса и степи, понимание русской истории как колониационного процесса; у Б.Н. Чичерина он взял понимание смысла русской государственности в закреплении и раскреплении сословий» [там же]. Здесь необходимо подчеркнуть, что перед нами почти дословная цитата из Покровского: «Его [Ключевского] понимание этого [исторического – *В.Т.*] – это был Чичерин, помноженный на Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину, – как угодно. Словом, это была теория закреплении, приспособленная к теории борьбы со степью» [Покровский 2012: 189]⁴.

Первая глава должна была четко ответить на вопрос об оригинальности исторической концепции Ключевского. Ответ оказался неутешительным и повторяющим введение – таковой концепции Нечкина у Ключевского не обнаруживает. В то же время Нечкина не отрицала существенный вклад историка, представляющий, по ее мнению, инте-

⁴ Впервые статья была опубликована в 1923 г. в «Вестнике Социалистической академии». Нечкина знала об этой публикации, о чем свидетельствует ее дневник. Затем статья вошла в известный авторский сборник М.Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов» (Пг., 1923).

рес и для марксистов. Она подчеркивала, что Ключевский не был теоретиком-социологом (имеется в виду, что он не был способен разработать полноценную оригинальную концепцию развития общества). Поэтому Нечкина заявляет, что наиболее ценной частью его наследия является разработка фактической стороны истории России.

Вообще первая глава небольшая – всего три машинописных страницы. Своим крошечным объемом она явно выделяется на фоне следующих глав и выпадает из композиции. Можно предположить, что эта глава писалась в короткие сроки, вероятно одновременно с введением.

Во второй главе, вычлняя основу исторической концепции Ключевского, Нечкина обнаруживает сильное влияние «государственной школы». Вслед за ее представителями Ключевский кладет в основу исторического процесса два основных элемента – национальность-народ и государство, причем, несмотря на признание противоречий между ними, именно государство оказывается высшим выразителем национальности и руководящей нитью развития. С нацией и государством тесно связано понятие общего блага, играющего для Ключевского чрезвычайно важную роль. Конечной целью истории должно стать национальное правовое государство. Кладя в основу своей концепции такие метафизические категории, Ключевский так же метафизически рассматривает русскую историю как достижение естественных границ нацией и государством. Автор не преминула язвительно указать на то, что ученик Ключевского П.Н. Милюков раздвигал «естественные границы» до самого Константинополя [Л. 58]. Упреки приобретут актуальное для того времени звучание, если вспомнить, что «национальная» концепция Ключевского вполне могла рассматриваться как разновидность «великорусского шовинизма» в противовес интернационализму М.Н. Покровского.

Нечкина признает, что Ключевский большое внимание уделяет истории хозяйства, но подмечает, что это история государственного хозяйства. Фактически история русского общества показана «с точки зрения тех средств, которыми оно удовлетворяло потребности государства» [Л. 63]. В этом Нечкина увидела слегка завуалированную теорию закрепощения сословий. Нечкина часто упрекает Ключевского в непоследовательности и туманности выводов и формулировок. С ее точки зрения, государство предстает у Ключевского в виде «израильского бога», требующего жертв, но все они оправдываются во имя будущего «бессловного» правового государства. В рамках марксистской парадигмы право не может быть бессловным, а, следовательно, «правовое государство» – лишь идеалистическая конструкция, которую нельзя воплотить в жизнь. Приговор Нечкиной суров: «Ключевский – историк небывшего правового национального государства» [Л. 84 об.].

Неоднократно подчеркивается, что он был «плохим теоретиком-социологом», обладал осторожной натурой (что было признано полез-

ным для историка, занимающегося конкретно-историческими изысканиями), и у него часто можно обнаружить «отсутствие смелости и боязнь новшеств, а это едва ли выгода для социолога» [Л. 85 об.]. Постоянно подчеркивается теоретико-методологический эклектизм Ключевского: «В сложной и тонкой ткани его исторических исследований можно уловить все оттенки различных типов исторического мышления: от чистого идеологизма до экономического материализма, от глубокой убежденности в правоте путей божественного разума и самой теплой религиозности до глухих глубин исторического скептицизма и отрицания. Разлад Ключевского – один из видов трагедии русского интеллигента» [Л. 86 об.]. Указывалось, что полноценную философию истории Ключевский подменил «искусственной комбинацией слов, терминов и фраз». Нечкина видела причины этого в отказе от монистического взгляда. По ее мнению, Ключевский придерживался общей идеалистической концепции русской истории, но сумел предложить глубоко материалистическую трактовку отдельных явлений, процессов, событий: «Широкие рамки его идеалистической схемы заполнены этим материалистическим изучением, ни в схеме, ни в теории не отразившемся» [там же: Л. 93]. Тем не менее Ключевский, сильно зависимый от «государственной школы», «страдает» такой чертой, как «юридизм», стремление провести юридический анализ исторических явлений и событий. Эту черту Нечкина связывает с влиянием Б.Н. Чичерина.

Наконец, пятая глава посвящена политическим взглядам Ключевского, в ней открывалось широкое поле для классового анализа, но это самая психоаналитическая часть рукописи, по сути, классовый анализ заменяется психоанализом. Методологическая и жизненная «двуликость» Ключевского объясняется его психологической боязнью порвать со старой средой, стремлением сохранить мостик между своим прошлым и настоящим. Нечкина приходит к выводу, что историк стремился находиться вне политики (хотя интерес к ней у него был устойчивым). Нежелание примкнуть к какой-либо политической группе также объясняется чисто психологически: заикание привело к замкнутости и социальной отчужденности. И знаменитая ирония историка объяснялась психологическим одиночеством: с детства у Ключевского, небогатого и зависимого от благодетелей, развилась осторожность в политических вопросах, и, как следствие, именно оттуда осторожность методологическая. Много внимания в тексте уделено истории с речью Ключевского в память об Александре III, после которой он подвергся обструкции со стороны части студенчества. Нечкина обнаружила текст пародийной переладки басни Д. Фонвизина «Лисица-кознодей».

В основе методологии разбираемой работы Нечкиной лежит экстерналистский подход, постулирующий определяющее влияние внешних факторов на развитие науки. Важно отметить, что в монографии

«Русская история в освещении экономического материализма» доминировал все-таки интерналистский подход. В новой же работе ученый оказывается не беспристрастным исследователем и передатчиком фактов (объективизм), а активным творцом исторических образов. Такую модель сейчас назвали бы конструктивистской. Более того, Нечкина использует такой термин, как «историческое мироздание Ключевского» [Л. 83]. В данном случае «мироздание» является эквивалентом понятия «конструкт» в современной терминологии.

Классовый анализ на первый взгляд доминирует, очевидны концептуальные заимствования из Покровского. Но последняя глава приносит мощный поток психоаналитики. Трудно сказать, насколько в данном тексте была реализована исследовательская программа «теория индивидуальной среды» (нужно учитывать и то, что она могла сильно измениться за прошедшие годы). Тем не менее синтез марксизма и психоанализа состоялся.

С конца 1920-х гг. в стране начался т.н. «Великий перелом», частью которого стала борьба против «старых специалистов», в т.ч. и на «историческом фронте». В этой связи разоблачение классовой сущности немарксистской историографии приобрело сверхактуальное значение. В 1927 и 1930 гг. в двух томах вышел известный сборник «Русская историческая наука в классовом освещении», составленный из работ участников историографического семинара Покровского. Цель издания – разоблачение классовой сущности досоветской исторической мысли. Издание предназначалось для широкого круга читателей и должно было служить цели пропаганды нового взгляда на историческую науку. В нем была опубликована и объемная работа Нечкиной «В.О. Ключевский». По мнению А.Н. Артизова, исследование Нечкиной было наиболее глубоким в сборнике [Артизов 1995: 191].

Сама Нечкина утверждала, что текст статьи является кратким изложением неопубликованной рукописи «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли» [Нечкина 1974: 39]. В значительной мере это так. Но сравнение двух работ позволяет увидеть и заметные отличия. Так, Е.Ю. Черная совершенно справедливо указывает на композиционные отличия: «Заметим, что названия и количество глав в напечатанном варианте не совпадают с представленным вариантом в дневниках, в отчете и докладе. В опубликованной работе четыре главы: “Политические взгляды Ключевского”, “Руководящий комплекс идей в историческом синтезе В.О. Ключевского”, “Общий ход русской истории в представлении В.О. Ключевского”, “Внутренние противоречия исторической концепции В.О. Ключевского”. При этом глава о политических взглядах с последнего места в докладе перемещается на первое в опубликованной статье» [Черная 2014: 159]. Причины отмеченного перемещения очевидны – необходимо было усилить политиче-

ский аспект анализа научного пути Ключевского, что органично вписывалось в общую концепцию сборника.

Сравнение двух текстов позволяет выявить и заметные концептуальные различия. Если в версии 1925 г. Ключевский квалифицировался как «академический интеллигент», то теперь акцент делался на его разночинстве. Исчезают указания на то, что Соловьев и Ключевский выражали, каждый по-своему, идеологию промышленного капитала. Фраза построена так: «Соловьев стоит на рубеже крепостной России: он сложился, как ученый, в последние пятнадцать лет ее жизни. Его премник по кафедре Московского университета В.О. Ключевский – первый русский историк, вырастающий на фоне пореформенной экономики» [Нечкина 1930: 217]. Впрочем, остаются размышления об оторванности Ключевского от политической жизни страны. Подчеркивались его «половинчатость и эклектизм» в теории и методологии. Акцентировалось также влияние Соловьева-Чичерина, но теперь отчетливее звучало указание на то, что Ключевский совершил новый синтез их идей и вывел их на новый уровень. Главное, что почти исчез психоанализ, хотя некоторые положения, вполне вписывающиеся в классовую парадигму, о влиянии среды на Ключевского остались (например, причины его осторожности из-за зависимости от дарителей).

В 1974 г. выйдет итоговая для Нечкиной монография «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества». С первых трудов, написанных в 1920-е гг., прошло более четырех десятков лет. Серьезно изменилась советская историческая наука, как в плане методологическом, так и в конкретно-историческом. Исследователям стали доступны архивные документы, связанные с Ключевским. Все это, несомненно, отразилось на эволюции интерпретации Нечкиной научного наследия и биографии историка. Но помимо колоссального насыщения исследования фактическим материалом заметно и общее снижение социологической составляющей. Меньше стало и концептуальных выводов. Вполне возможно, что Нечкина, теперь уже опытный исследователь, не склонный к однозначным суждениям, сделала это сознательно. Но в большей степени это следует связать с общей эволюцией советской исторической науки, отказом от методологических экспериментов и переходом к позитивистскому формату историописания.

Теперь Ключевский рассматривался не как выразитель идеологии «промышленного капитала», а более абстрактно, как историк периода «кризиса дореволюционной буржуазной науки». В книге активно используется понятие «академическая легенда» (вариант – «академический канон»), т.е. сформированный академической средой начала XX в. образ Ключевского как бесстрастного ученого, верного только науке. Напомню, что в работе «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли» историк называется «академическим интел-

лигентом». Теперь Нечкина последовательно старается дистанцировать Ключевского от академизма и разрушить «академический канон». Стараясь его опровергнуть, Нечкина стремится вписать Ключевского в революционно-демократический канон. Она считает, что «Ключевский “левет” в годы всех трех революционных ситуаций, пережить которые выпало на его долю» [там же: 407].

Ключевский предстает неблагонадежным для режима человеком, который противостоит царской, казенной России, пусть и пассивно. Характерный пример. Рассуждая о том, хотел ли Ключевский читать курс для наследника престола, Нечкина однозначно говорит, что нет. Но делает это, по сути, бездоказательно: «Отказывался ли Ключевский от свалившейся на него “чести”? Думаю, всеми силами и средствами, какие только считал допустимыми» [Нечкина 1974: 326]. «Думаю» не подкреплено никакими источниками. И таких примеров немало.

Оценки теоретико-методологических поисков историка оказываются более устойчивыми. Несомненным достижением является стремление рассмотреть концепцию Ключевского в развитии. Но выводы в целом не изменились за много десятилетий. Вновь подчеркивается двойственность методологии историка, его метания между идеализмом и материализмом. На основании отсутствия четкой методологической базы отрицается и существование «школы Ключевского».

Несмотря на заметную эволюцию образа Ключевского в трудах Нечкиной, между ними отчетливо прослеживается преемственность. Более того, пожалуй, именно в итоговом труде 1974 г. автор в наибольшей степени сумела реализовать исследовательскую модель, в центре которой оказывается личность историка. Таким образом, замысел, возникший в 1920-е гг., был реализован спустя полвека.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. 1995. М., 1995. С. 185-199 [Artizov A.N. Istoriograficheskie seminary M.N. Pokrovskogo // Istoriija i istoriki. 1995. M., 1995. S. 185-199]
- Богомазова О.В., Гришина Н.В. Юбилейные и мемориальные публикации о В.О. Ключевском (Библиография (1897-2007) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. С. 38-44 [Bogomazova O.V., Grishina N.V. Jubilejnye i memorial'nye publikacii o V.O. Ključevskom (Bibliografija (1897-2007) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 23. S. 38-44]
- Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987 [Bogoslovskij M.M. Istoriografija, memuaristika, jepistoljarija. M., 1987]
- «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и комментариев Е.Р. Курапова. М., 2013 [«I muchilas', i rabotala neverojatno»: Dnevniki M.V. Nechkinoj / Sost., avtor vstup. st. i kommentariev E.R. Kurapova. M., 2013]
- «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: Документальная монография. М., 2011 [“Istoriija v cheloveke” – akademik M.V. Nechkina: Dokumental'naja monografija. M., 2011]
- Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. М., 1930. С. 215-350 [Nechkina M.V. V.O. Ključevskij // Russkaja istoričeskaja literatura v klassovom osvshhenii: Sb. st. / Pod red. M.N. Pokrovskogo. T. 2. M., 1930. S. 215-350]

- Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974 [Nechkina M.V. Vasilij Osipovich Kljuchevskij: Istorija zhizni i tvorchestva. M., 1974]
- Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе (Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии) // Красная новь. 1923. № 5. С. 174-203 [Nechkina M.V. Vzgljad V.O. Kljuhevskogo na rol' «idej» v istoricheskom processe (Iz rabot o predshestvennikah jekonomicheskogo materializma v russkoj istoriografii) // Krasnaja nov'. 1923. № 5. S. 174-203]
- Нечкина М.В. Гегельянская «окаменелость»: (В связи с книгой Л. Троцкого «1905»). 2-е изд. М., 1922) // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 20-30 [Nechkina M.V. Gegel'janskaja «okamenelost'»: (V svjazi s knigoj L. Trockogo «1905»). 2-e izd. M., 1922) // Kazanskij bibliofil. 1923. № 4. S. 20-30]
- Нечкина М.В. К характеристике В.О. Ключевского как социолога: (В связи с изданием 5-го тома «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Пг., 1922) // Вестник просвещения. 1923. № 1/2. С. 28-39 [Nechkina M.V. K harakteristike V.O. Kljuhevskogo kak sociologa: (V svjazi s izdaniem 5-go toma «Kursa russkoj istorii» V.O. Kljuhevskogo. Pg., 1922) // Vestnik prosveshhenija. 1923. № 1/2. S. 28-39]
- Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922 [Nechkina M.V. Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk). Kazan', 1922]
- Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. Изд. 2. Т. 1. М., 2012 [Pokrovskij M.N. Otkuda vzjalas' vneklassovaja teorija razvitija russkogo samoderzhavija // Pokrovskij M.N. Istoricheskaja nauka i bor'ba klassov: Istorograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki. Izd. 2. T. 1. M., 2012]
- Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2005. С. 363-408 [Sidorov A.L. Institut krasnoj professury // Mir istorika: Istorograficheskij sbornik. Omsk, 2005. S. 363-408]
- Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 69-93 [Syromjatnikov B.I. V.O. Kljuhevskij i B.N. Chicherin // V.O. Kljuhevskij. Harakteristiki i vospominanija. M., 1912. S. 69-93]
- Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки. Дисс... к.и.н. Новосибирск, 2014 [Chernaja E.Ju. Milica Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoj istoricheskoi nauki. Diss... k.i.n. Novosibirsk, 2014]

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

«Klyuchevskiada» by M.V. Nechkina

The article analyzes the evolution of the image of V.O. Klyuchevsky in the historiographic heritage of M.V. Nechkina. Special attention is paid to unpublished or little-known works of M.V. Nechkina of the 1920s. It is shown that early works became a kind of polygon of theoretical and methodological searches of M.V. Nechkina, who presented the synthesis of psychoanalysis and externalist class approach to the development of science. Nevertheless, it is concluded that conceptually early works are closely connected with the final monograph "Vasily Klyuchevsky: the history of life and creativity" (1974).

Keywords: V.O. Klyuchevsky, M.V. Nechkina, the history of historical science, psychoanalysis, Marxism

Vitaly V. Tikhonov, Ph. D. in History, leading researcher, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences; tihonovvitaliy@list.ru